

Глава 15.

**Реформа снизу:
всеобщий подоходный налог в Сибири в 1918–1919 годах**

Растянувшаяся на полвека податная реформа освободившейся от крепостного права России – яркий и удивительный пример того, как на самом деле воплощается то, что кажется невозможным теоретически. Самое удивительное в этой реформе сосредоточено на том кратком завершающем отрезке, который состоялся уже после падения власти, учредившей в России подоходный налог. Поколения спустя Семнадцатый год стал восприниматься как водораздел меж двух эпох. Люди, жившие в то время, воспринимали происходящее иначе. Казалось, что теперь, когда рухнуло то, что мешало, можно будет быстрее и лучше делать то, что тормозилось прежде – в том числе и изменение налоговой системы.

Изучение подоходного налога, как правило, ограничивается разбором истории его введения в апреле 1916 г.³¹⁹. Скучность историографического внимания к подоходному налогу образца 1916 г. легко объяснима. Во-первых, налог начал работать только с 1917 г., и не успел в полной мере воплотиться вследствие прихода большевиков, которые сделали упор на чрезвычайные «классовые» налоги, реквизиции и контрибуции. Во-вторых, налог был введён не как опора всей системы обложения, а как «боковая пристройка», один из способов дополнительного обложения богатых.

Оба этих соображения действуют (да и то не без оговорок) только для центра страны, с конца 1917 г. постоянно находившегося под контролем большевиков. Сибирь с июня 1918 г. оказалась вне действия советской власти. Её преемники располагали не более чем полутора годами, но в это время уложились две податных кампании – 1918 и 1919 годов. В Сибири подоходный налог успел пройти полноценную обкатку. И главное: за это время он превратился из налога для элиты в налог для всех. Произошло это не столько за счёт издания новых законов, сколько за счёт особого применения изданных ранее.

***Предварительные ожидания:
сливки общества, крестьяне и рабочие***

Как мы помним, реформа 6 апреля 1916 г. предполагала создание налога для богатых – таков был замысел, неоднократно продекларированный реформаторами и закреплённый в высоком пороге обложения. Правда, уже в 1916 г. некоторые документы показывают готовность податного надзора обратить внимание на простонародье.

Немедленно по подписании закона министерство по телеграфу затребовало от казённых палат сведений об ожидаемом числе плательщиков. Среди

³¹⁹ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. С. 269–278.

собранных палатами отзывов податных инспекторов – мнение инспектора 1-го томского участка, ответственного за обложение обывателей губернского центра. Присланные им цифры показались палате завышенными. Обосновывая свою оценку, он пояснял в мае 1916 г.: «Главный элемент, который раньше подлежал исключению [из числа плательщиков], чернорабочие, ныне будут привлечены к обложению, так как [подённая] заработная плата ныне колеблется между 2 руб. 50 коп. и 3 руб., что составит в год 900–1080 руб.»³²⁰.

Сохранилась и сводная таблица по 2-му Барнаульскому участку с разбивкой предполагаемых плательщиков по группам³²¹. Две самые многочисленные группы – купцы и крестьяне. При этом на волость показано от 1 до 30 вероятных плательщиков, «имеющих доход от земледелия, скотоводства и других крестьянских промыслов». Записка эта была составлена уже после принятия закона о подоходном налоге. При этом инспектор подчеркнул: «Исходным пунктом... для меня послужили работы моего предшественника по участку, произведенные им в 1909 г., когда был составлен список предполагаемых плательщиков»³²². Поскольку весной 1916 г. сведения требовались срочно, безо всяких дополнительных обследований, надо полагать, что конечный результат недалеко ушёл от «исходного пункта», и мы имеем дело с данными 1908–1909 гг. Подобные материалы – ведомости, заполненные для отдельных крестьян-дворохозяев – поступали во время кампании 1908–1909 гг. и в Омскую казённую палату³²³.

Столичные чиновники, готовя в 1910 г. сводку материалов, укрыли этот разряд плательщиков в более широкой группе. Все источники доходов ожидаемых плательщиков они разбили на доходы «от земли», «от городских недвижимых имуществ», «от торгово-промышленных предприятий», «от денежных капиталов» и «от личного труда»³²⁴. Плательщики из числа крестьян оказались неотделимы от помещиков и арендаторов, владельцев сельских хозяйств капиталистического типа. За счёт этого сводная публикация Минфина не позволяет с уверенностью заключить, что крестьян предполагалось привлекать к налогу. Но цитированные выше местные материалы отчётливо показывают именно это.

Таким образом, даже подоходный налог образца 1908 г., задуманный как налог для зажиточных людей, должен был затронуть верхушку крестьян. Под налог образца 1916 г. уже при его появлении наиболее требовательные инспектора готовы были подвести и рабочих. Это, правда, ещё не выглядело очевидным.

³²⁰ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 345. Л. 13–13 об.

³²¹ Там же. Л. 20-23

³²² Там же. Л. 17–19 об.

³²³ ЦГАРК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 52. Л. 267–268.

³²⁴ Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, их доход и сумма налога по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–10 году. Спб, 1910. С. VI.

Тяжкие бюджетные проблемы 1918–1919 гг. побудили Российское правительство (А.В. Колчака) шагнуть ещё дальше – хотя для этого и пришлось поступиться щепетильностью в соблюдении гражданских прав плательщиков. В результате «пробная модель» образца 1916 г. проникла во всю толщу общества. Это произошло за счёт двух параллельных процессов – включения в число плательщиков низкооплачиваемых горожан (рабочих) и распространения подоходного налога на всех крестьян.

Прямо у кассы: подоходный налог для рабочих

Увидеть эти процессы мы можем благодаря документам, сохранившимся в фонде Томской казённой палаты и в фонде податного инспектора 2-го участка Томского уезда. Как правило, архивы податных инспекторов сохранились мелкими фрагментами. Фонд податного инспектора 2-го участка Томского уезда составляет исключение: он насчитывает без малого тысячу дел за 1897–1920 гг. Документы касаются главным образом работы с деревнями и безуездными городами.

Привлечение к подоходному налогу бедных горожан произошло путём естественным и очевидным – правительству было достаточно не повышать порог облагаемых доходов тем же темпом, каким инфляция обесценивала зарплаты. Среди бумаг податного инспектора 2-го участка Томского уезда сохранился полученный из управления Алтайских каменноугольных копей (г. Щегловск) список сотрудников, получавших в 1918 г. выплаты от этого предприятия³²⁵. Перечень указывает в основном простые рабочие должности – горнорабочий, чернорабочий, кочегар, сторож, плотник, десятник, и так далее. В списке из 324 человек нет ни одного, получившего за год менее 1 тыс. руб. (именно таков был с лета 1917 г. порог обложения). Большинство выплат оказывается в промежутке от 2 до 4 тыс. руб.

Сведения о зарплате инспектор получал также от железной дороги, от кооперативных управлений, от органов самоуправления. Вновь созданные волостные земские управы не только отчитывались за выплаты собственным служащим, но и выступали посредниками по выявлению учреждений и предприятий, не охваченных сбором данных: сохранилось сопроводительное письмо Поломошенской волостной земской управы к сведениям о лицах, получавших жалованье от местного мукомольного товарищества³²⁶.

То ли новизна дела, то ли срыв весенней кампании 1918 года повлияли на несвоевременное представление данных многими учреждениями. Но рассылка типографских «Напоминаний» (в феврале 1919 г.)³²⁷ сделала своё дело. Большинство сохранившихся в этом деле сопроводительных документов к инспектору от учреждений и предприятий о присылке сведений за 1918 г. датировано апрелем и маем 1919 г.

³²⁵ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 266. Л. 44–53.

³²⁶ Там же. Л. 29.

³²⁷ Там же. Л. 55.

Механизм использования сведений от работодателей предусматривался Положением о подоходном налоге 1916 г. Но не предусматривалось, что уплата налога будет столь массовой. Теперь, когда военно-революционная инфляция обеспечила всех некогда завидными зарплатами (и тем увеличила число плательщиков), стало ясно, что прямое общение податного инспектора с каждым плательщиком – задача огромная и потому невыполнимая. Стало ясно, что предприятия должны быть более чем осведомителями: они должны быть посредниками при взимании подоходного налога.

3 апреля 1919 г. колчаковский Совет министров принял постановление «О повышении нормы подлежащего подоходному налогу дохода и о порядке уплаты названного налога лицами, получающими содержание от казны»³²⁸. Повышение необлагаемого минимума с 1 до 3 тыс. руб. не оказало существенного влияния на ход дел: цены в 1919 г. росли быстрее, чем пороговая цифра, и подавляющее большинство простых рабочих всё-таки осталось в рядах плательщиков. Зато важна вторая часть реформы. Отныне сотрудники казённых органов и частных предприятий должны были уплачивать подоходный налог ежемесячно, при выдаче жалованья. Собственно, следующая в налог часть жалованья и не выплачивалась на руки, а сразу удерживалась предприятием для перечисления казне³²⁹. Эта, казалось бы, техническая подробность резко изменила всю систему взимания налога. На место охоты за отдельными плательщиками пришло взаимодействие с посредниками-работодателями, привлекающими к налогу всю массу работников. Появление системы, так хорошо известной россиянам начала XXI в., стало логичным следствием массовизации подоходного налога.

Итак, включение рабочих в число плательщиков подоходного налога хотя и было следствием осознанной политики властей, не потребовало никаких отступлений от закона. Всё решила не предусмотренная законодателями 1916 г. инфляция. С крестьянами дело обстояло иначе.

Ручная работа: новый подоходный налог у крестьян

Не привлечь крестьян к налогу после того, как его стало платить городское простонародье, было бы нелогично: чиновники знали, что «сельские обыватели» в целом живут по меньшей мере не хуже рабочих. Но весь доход рабочего выражен денежным образом и потому точно учитывается и легко контролируется. У крестьян денежный доход невелик, зато нет необходимости оплачивать продовольствие и квартиру, что отнимает значительную, если не основную, часть доходов рабочего. Следовательно, облагаемый доход крестьянина должен исчисляться иначе, чем доход рабочего. Требовалось учесть натуральный доход крестьянина, для чего единственным средством было установить вменённый доход.

³²⁸ См. уточняющие запросы предприятий в адрес Томской казённой палаты: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. Л. 71–73.

³²⁹ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 84–85.

Это противоречило правилам 1916 г., но не противоречило духу дореволюционного законодательства. Уже при введении квартирного налога оговаривалось, что его должны платить и чиновники, получающие служебные квартиры бесплатно. После реформы 1916 г. платежи по квартирному налогу стали учитываться в счёт подоходного налога, само же правило насчёт бесплатных квартир сохранилось. Взимание налога с натуральной оплаты чиновникам и с натурального потребления крестьян – явления типологически близкие, если не вовсе одинаковые. И в том, и в другом случае косвенные признаки использовались для оценки платёжеспособности экономического субъекта там, где нет возможности использовать точные бухгалтерские данные. Пока подоходный налог предполагалось взимать с богатых, было логичным оставление крестьян за порогом; с тех пор как налог решили сделать всеобщим, стало логичным применение косвенных признаков и к сельскому населению.

В середине июля 1919 г. инспектор 2-го участка Томского уезда разослал по волостным земским управам бланки сведений об имущественном положении домохозяев каждого селения. Судя по тому, что на этих документах не предусмотрена строка «губерния», зато требуется указать волость и селение, изготовление бланков было делом либо казённой палаты каждой губернии, либо даже – каждого инспектора. С конца июля (чаще – в августе или сентябре) заполненные бланки стали поступать обратно. В фонде инспектора 2-го томского участка они занимают несколько дел, из которых мною изучены два – по Проскоковской и Новониколаевской волостям³³⁰. В одних случаях в графе «год» указано «1919», в других – «1918»; в любом случае ясно, что речь идёт (согласно закону) о налоге, который требуется уплатить в 1919 г. с доходов, «полученных» в 1918 г. Ведомости по разным селениям заполнены разными почерками и разными чернилами, с разной степенью подробности (не везде указан посев); ясно, что волостное правление выступало лишь посредником, переправляя наверх сведения от сельских старост.

Ведомости требуют довольно подробных сведений: и число человек в семье (в т.ч. трудоспособных), и площадь посева по видам хлебов, и число скота (отдельно: лошади, коровы, овцы), и количество заготовленного сена (в пудах); две графы отводилось на подсобные промыслы (вид промысла и объём заготовок). Нередко оказывалась заполнена и последняя графа: «сделаны ли долги за 1918 г. Кому и сколько» (среди ответов: «разным лицам», «кредитному товариществу», «банку»).

Заполнение этих таблиц не стало диковинкой для крестьянских писарей. Эти документы очень похожи на те раскладочные перечни, которые уже больше десяти лет требовалось прикладывать к раскладочным приговорам.

Сбоку к заполненным ведомостям приклеены лоскуты бумаги, на которых – одной рукой через все селения обеих волостей – проставлены номера.

³³⁰ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262, 270.

Наименьший номер по Новониколаевской волости – 16328; наибольший по Проскоковской – 17672. Инспектор, говоря современным языком, составлял единую базу данных по всем плательщикам своего участка.

В эту «базу данных» попадали не все жители подведомственных ему волостей. На 1344 плательщика по двум волостям приходится 76 прочерков (примерно один к восемнадцати). Назвать с уверенностью критерий их «отчисления» трудно – многие имеют годных работников, скот, посев, по формальным данным не уступая другим беднякам. Но в общем ясно, что это представители беднейшей части местного общества. Это – те, кто получил освобождение от уплаты подоходного налога. Во всех остальных случаях против каждого плательщика инспектор приписал цифру: в некоторых случаях – 3600, иногда – 4000, изредка даже – 5000 или 5500; но у подавляющего большинства плательщиков значится цифра: 3200 [рублей]. Название этой графы подписано от руки: «Доход 1918 г.». В виде единичных исключений проставлены цифры «3000» и «3100», и ни одному плательщику не показан меньший доход. Сумма налога колеблется от 68 до 182 руб.

Всё огромное разнообразие сочетаний годных работников и иждивенцев, посевов овса и пшеницы, скота тяглого и молочного свелось к цифре в 3200 руб., минимально необходимой³³¹ для привлечения к подоходному налогу всех крестьян. Система действовала более грубо, чем бывшие крестьянские раскладки с их скрупулёзным учётом, сколько копеек приходится на каждую десятину, скотину или годного работника. Но она обеспечивала решение задачи: привлечь львиную долю крестьян к платежу подоходного налога, так или иначе учитывая их состоятельность. При этом для большинства плательщиков сумма налога была одинаковой, что неизбежно создавало несоответствие налоговых платежей действительной зажиточности. Однако сумма в несколько десятков рублей для 1919 г. должна была выглядеть не очень обременительной. Реформа подоходного налога в 1919 г. имела значение не столько для немедленного наполнения казны, сколько для создания системы на будущее.

*Кому мать, а кому и мачеха:
подоходный налог и российское общество*

Создавая эту систему, податная инспекция заботилась не только об обложении крестьянской массы, но и о выделении из неё «богачей». Поселенные перечни плательщиков, описанные выше, перемежаются в архивных делах заполненными бланками единоличных «заявлений»³³². На

³³¹ С 200-рублёвым запасом, по-видимому, во избежание двусмысленных толкований закона.

³³² Заявления по форме 8-А либо по форме 6. То и другое – типовые декларации по подоходному налогу (разной степени подробности). Вероятно, использование разных бланков плательщиками разных волостей объяснялось техническими проблемами с обеспечением всех единообразными бланками.

деревню приходится, как правило, одна или несколько деклараций. Как видно из редких сопроводительных документов, они получены в ответ на напоминания податного инспектора, отправленные в мае или летом 1919 г.³³³

Одна из обнаруженных деклараций принадлежит псаломщику, ещё 2 или 3 – тем, кто получил доход «от продажи скота и масла», более десятка – пасечникам. Причём в ряде случаев (например, по селению Проскоковскому) эти дополнительные занятия в присланной из села таблице никак не были отмечены³³⁴. Значит, инспектор опирался на дополнительные данные.

В некоторых случаях эти данные были устаревшими. Сохранилось «удостоверение», выданное филоновским сельским старостой местной крестьянке, с мужа которой участковое присутствие требовало «налог за пасеку». Между тем, муж (Иван Степанович Филонов) к этому времени умер (и не был внесён в селенную ведомость, представленную инспектору летом 1919 г.); пасека после его смерти «вся скончалась»³³⁵. Ясно, следовательно, что инспектор пользовался более ранними сведениями. Как мы помним, в 1916 г., готовясь к введению подоходного налога, инспектора подсчитывали ожидаемых плательщиков. В каждом селении предполагалось иметь хотя бы одного плательщика налога³³⁶. По-видимому, именно эти сведения и пригодились в 1919 г.

Для понимания смысла личных «заявлений» важен такой факт: по деревне Лебязьей (пчеловоды Асанов, Савостьянов, Петров) пчеловодство в селенной ведомости показано³³⁷. Значит, речь не идёт о том, что инспектор, требуя от них заявлений, пытается вывести на свет божий то, что пытались укрыть. Раз пасеки были ему известны, он мог бы назначить их владельцам вменённый доход. Но инспектор воспринимает их не как часть крестьянской массы, подлежащей огульному обложению, а так, как положено по закону 1916 г. – и предоставляет возможность лично заявить полученный доход. Притом что доход этих же людей от собственно крестьянского хозяйства облагается наравне со всеми, простым проставлением цифры в присланной из волости ведомости.

Неясно, какова дальнейшая судьба этих заявлений. Даже те из авторов деклараций, кто не пытался свести свои доходы к нулю, всё-таки показывали доход в сотни рублей, как максимум – одна–две тысячи. Ни один не дотянул до планки в 3000 руб. Опровергнуть эти данные в условиях «презумпции невиновности» плательщиков подоходного налога было бы труднее, чем «оставлять без последствий» возражения плательщиков промыслового или даже квартирного налога. Вероятно, попытка обособить «крестьянскую

³³³ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 262. Л. 25 об.; Д. 270. Л. 28, 33.

³³⁴ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 270. Л. 2–2 об., 6–7 об.

³³⁵ Там же. Л. 24–26.

³³⁶ Сохранились данные по 1-му участку Барнаульского уезда: ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 345. Л. 20–23.

³³⁷ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 270. Л. 13–14 об.

элиту» в условиях массового налога не удалась. То была дань изначальному, за три года успевшему устареть, замыслу подоходного налога.

Этот эпизод, однако, важен, поскольку подчёркивает ту двойственность, которая появилась в подоходном налоге вследствие преобразования 1919 г. Даже крестьянская верхушка оказывалась недостаточно богатой, чтобы платить подоходный налог «по благородному стандарту», с его трепетным отношением к интересам плательщиков. Но даже бедные крестьяне оказались подвержены налогу «по деревенскому стандарту». Обложение разных групп населения, таким образом, зависело не только от закона, но и от обычаев.

Подобно листу мать-и-мачехи, подоходный налог повернулся к одним мягкой стороной, а к другим – жёсткой. «Благородное общество» привыкло заботиться о своих правах – и фискальным органам пришлось в своё время сражаться даже за банковские сведения о действительно полученных доходах. Крестьяне привыкли содержать государство, привыкли к раскладкам через волостное правление – и с них можно было требовать налог, не отвлекаясь на юридически подкреплённые доказательства существования дохода.

По обе стороны красно-белой баррикады

Какова дальнейшая судьба этого налога? Об этом мы можем судить по донесениям инспектора 1-го участка Томского уезда (заодно занимавшего должность инспектора Тогурского участка). Они составлены 3 ноября 1919 г. в ответ на запрос казённой палаты³³⁸. К началу ноября инспектор успел расослать «по принадлежности» (из контекста следует – по рабочим, служащим и владельцам недвижимости) 9 тыс. окладных листов для плательщиков 1-го Томского участка и 2,5 тыс. – Тогурского. Работа с крестьянами была начата, но не завершена: обложены 10 волостей по 1-му Томскому, 4 волости – по Тогурскому участку, оставалось соответственно 24 и 8 волостей (по некоторым «не получены даже статистические материалы для обложения»). Инспектор предполагал завершить обложение не ранее 1 января 1920 г., почему и просил отодвинуть крайний срок рассылки окладных листов. Неизвестно, получил ли он просимое разрешение: наступление Красной Армии сделало этот вопрос не насущным.

Прежде чем делать окончательный вывод, следует отметить, что похожую эволюцию подоходный налог проделал и в Советской России. Отказавшись от расхожего представления о том, что с приходом большевиков всё изменилось немедленно и «до основанья», О.И. Марискин разобрался с воплощением налоговой политики в годы Гражданской войны на землях, подвластных Совнаркому. Выяснились неожиданные подробности. По данным автора, большевики не только юридически подтвердили сохранение налогов (в том числе подоходного), но и продолжили работу по их взиманию. Число крестьян, привлечённых к подоходному налогу в Симбирской губ., достигало в 1917 г. 7,5 тыс., а в 1918-м – 12,5 тыс.

³³⁸ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 244. Л. 4–4 об., 10–10 об.

В продолжение этой линии был принят декрет СНК от 21 января 1919 г., которым предлагалось создавать волостные и сельские комиссии по подоходному налогу в целях привлечения к его платежу «возможно большего числа» крестьян. За неделю до реформы Колчака, 27 марта 1919 г., вышло постановление СНК, по которому, как формулирует О.И. Марискин, «крестьянские хозяйства всех губерний были отнесены к IV классу и облагались налогом, начиная с 3 тыс. руб.»³³⁹.

Правда, выясняется, что на деле подоходный налог собирался слабо ввиду саботажа населения и преимущественного внимания советской власти к другим налогам. Натуральный и единовременный чрезвычайный революционный налоги выступали не только источником денег, но и «орудием классово-борьбы» в деревне, наподобие контрибуций в городах. Тем не менее, в феврале 1920 г. отдел прямых налогов НКФ дозрел до мысли о подготовке к единому подоходно-поимущественному налогу, при котором облагать доходы от сельского хозяйства предполагалось по раскладочной системе – то есть, речь шла о возврате к дореволюционным порядкам. Однако в условиях совершенной утраты ценности «совзнаками» это предположение не воплотилось; напротив, в феврале 1921 г. дело дошло до отмены всех денежных налогов³⁴⁰. За этим последовал нэп. Налоговая система новой эпохи, хотя во многом и напоминала дореволюционные порядки, изначально содержала «классовую» составляющую, и это создавало коренное отличие от «старой России».

По всей видимости, развитие подоходного налога в годы Гражданской войны по разные стороны фронта шло в одном направлении, но колчаковское правительство, для которого этот налог был более важен, чем для большевиков, более тщательно проработало мероприятия, связанные со взиманием подоходного налога как всенародного.

Подоходный налог образца 1919 г. не успел дать колчаковскому правительству финансовых результатов. Но нельзя сказать, что он остался в области теорий. Всеобщий, массовый подоходный налог был воплощён в окладных листах и расчётных ведомостях второй половины 1919 г. Сопоставляя эти ведомости с общепринятой до революции системой крестьянских раскладок, можно сказать уверенно, что та форма, которую приобрёл подоходный налог для крестьян летом 1919 г., не была окончательной. При сохранении этой системы в следующие годы неизбежна была бы дальнейшая дифференциация плательщиков по уровню дохода, отказ от субъективно определяемых цифр в пользу объективных показателей по отраслям хозяйства. Но главное – эта система имела внутреннюю

³³⁹ Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004. С. 142–143.

³⁴⁰ Там же. С. 145–153.

устойчивость за счёт того, что была подготовлена всем ходом дореволюционного развития налоговой отрасли.

Знание истории подоходного налога в 1919 г. помогает более правильно оценить ту эволюцию, которую проделала податная система России на протяжении полувека, начиная с «оттепели» середины XIX в. От подоходного налога образца 1916 г. до всеобщего подоходного налога оставался лишь один шаг. Исчисление этого налога на основе вменённого дохода, с опорой на традицию крестьянских налогов, позволило преемникам царского правительства сделать этот шаг без дальнейшей долгой подготовки.